

ОБЗОР ЗАСЕДАНИЙ СЕКЦИИ ПО ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

© 2019 г. А.А. Плотникова

Д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: annaplotn@yandex.ru

Обзор включает доклады по этнолингвистике, сделанные на XVI Международном съезде славистов во время заседания секции, специально посвященной этому направлению в языкознании. Проведена их классификация по ориентации на одно из ведущих течений в современной этнолингвистике: либо в русле исследований Московской этнолингвистической школы, либо польской, изучающей аксиологические культурные концепты и развивающей программу ETNO (EUROJOS), либо в рамках антропологического направления.

The review includes the reports on ethnolinguistics made at the XVI International Congress of Slavists during the session of the section purposely dedicated to this direction in linguistics. Their classification on orientation to one of the leading currents in modern ethnolinguistics is carried out: either in the course of researches of the Moscow ethnolinguistic school, or Polish, studying axiological cultural concepts and developing the ETNO (EUROJOS) program, or within the anthropological direction.

Ключевые слова: этнолингвистика, ареалогия, лингвогеография, лексика, языковые образы, народная культура, фольклор, славянские древности.

Keywords: ethnolinguistics, arealogy, linguogeography, vocabulary, language images, folk culture, folklore, Slavic antiquities.

DOI: 10.31857/S0869544X0004767-6

Секция, посвященная этнолингвистике (1.6.5.), включала разнообразные доклады, сделанные в русле нескольких этнолингвистических направлений. Среди докладчиков основу секции составили участники, представляющие Московскую школу этнолингвистики и занимающиеся реконструкцией языка и традиционной народной культуры славян, в основном из Института славяноведения РАН (А.А. Плотникова, И.А. Седакова, Е.С. Узенёва, М.М. Валенцова, М.В. Ясинская, О.В. Чёха), а также и из зарубежных вузов и научных институтов (К. Задоя из Германии; Н.П. Антропов, Т. Авилин, Е.М. Боганева из Белоруссии; К. Женьюхова из Словакии). Были сделаны доклады в рамках антропологического направления в Сербии (С. Ристич, И. Лазич-Коник) и ученых, занимающихся исследованиями, посвященными современному состоянию народного восприятия ряда основополагающих, главным образом социальных, концептов мировоззрения

(С. Небжеговская-Бартминьская, А. Невяра). Следует отметить, что в работе секции участвовали и молодые ученые-этнолингвисты. Всего было проведено два заседания в течение одного дня (ведущие секции – А.А. Плотникова и И.А. Седакова). Практически после каждого доклада велась оживленная дискуссия, в которой принимали активное участие ведущие слависты-диалектологи и фольклористы (например, П.Е. Гриценко, А.Л. Топорков, Л. Раденкович и др.). Далее обзор докладов строится в порядке их следования.

А.А. Плотникова (Россия) в докладе «Карпато-балканские этнолингвистические параллели» рассмотрела несколько карпато-балканских этнолингвистических параллелей, характеризующих, с одной стороны, центральную зону Южной Славии, с другой – аналогичные явления в Западной Украине, зафиксированные на Гуцульщине. В докладе речь шла о лексике народной духовной культуры общего славянского происхождения, а также о существенных текстуальных совпадениях в кратких фольклорных жанрах у славян в восточных Карпатах и на Балканах. В центре внимания докладчицы была так называемая низшая мифология славян. Анализировались, во-первых, наименования, связанные с магией и колдовством (от **činiiti*); во-вторых, названия мифологических персонажей, предсказывающих судьбу ребенка (от **spd-*): серб. *суђенице*, з.-серб. *усуд(а)*, гуцул. *судци*; и в-третьих, фольклорные мотивы, касающиеся запретов и предписаний, которые высказываются в песнях мифологических персонажей типа ю.слав. ⁺*vila*. В двух первых случаях рассматривалась лексика традиционной народной культуры, в последнем – практически текстуальные совпадения в малых фольклорных жанрах («песнях вил»). Все проанализированные параллели относятся к архаическому слою культурно-языковой народной традиции. Аналогии на Гуцульщине и в центральном регионе Южной Славии показали общие глубокие корни населения двух славянских регионов.

А. Невяра (Польша) доклад «Универсализм и релятивизм ключевых слов и понятий в славянских культурах в сравнительной перспективе» посвятила вопросам лингвистической аксиологии. По мнению докладчицы, следует определить, во-первых, возможности типологизации в пределах славянского мира таких ключевых слов, как «человек» или «бог», происходящих из праславянского языка и называющих основополагающие понятия; во-вторых, возникновение относительно разного восприятия ключевых слов в отдельных славянских культурах и традициях; в-третьих, стоит предпринять попытку выявления связи между языком и культурой, т.е. соответствием между концептуализацией ключевых понятий и культурными сценариями, распространенными в отдельных славянских культурах. Более подробно в этом аспекте анализировались о.-слав. **č(b)lověкъ*, рус. *свобода* и некоторые другие.

С. Ристич и И. Лазич-Коник (Сербия) в докладе «Тенденции развития этнолингвистики в современной сербской лингвистике» сделали обзор этнолингвистических течений в современном славяноведении, подробно остановившись на достижениях сербских ученых в этой области. По словам докладчиков, цель их выступления состояла в том, чтобы показать основные результаты проведенных к настоящему времени этнолингвистических исследований в Сербии, определить фазы и тенденции их развития. При этом основным отправным пунктом такого обзора стали теоретические и методологические принципы, с одной стороны, «московской», с другой – «люблинской» школы, задействованные так или иначе в исследованиях сербских лингвистов.

М.М. Валенцова (Россия) в докладе «Карпатская мифологическая лексика (этнолингвистический аспект)» остановилась на специфике карпатской мифологической лексики, отличающей ее от севернославянских традиций. Докладчица показала, что карпатская мифологическая лексика определяется рядом общих черт, связанных

как с заимствованиями разного времени из венгерского, романских и тюркских языков и диалектов (например, наименования *босорка*, *шаркан* происходят из венгерского языка, *стрига* — из латинского), так и с изменениями в семантике славянских слов. Карпатские изоглоссы продолжаются в южнославянском языковом ареале, равно как и балканские изоглоссы — в Карпатах, образуя непрерывный карпато-балканский континуум. По мнению докладчицы, карпатская мифологическая лексика имеет ряд специфических параллелей (лексических, семантических, этнолингвистических) в полесской, севернорусской, отчасти в серболужицкой и других севернославянских традициях (например, *pošnica*, *veštica*, *boginja*, поверья о двоедушниках). Был также сделан краткий обзор лингвистического изучения Карпат с особым вниманием к лексике духовной культуры региона.

К. Задоя (Германия) в докладе «Эвфемистические наименования змей в восточнославянских карпатских диалектах» проанализировала богатый материал украинских Карпат, где названия змей, по замечанию докладчицы, очень многообразны и варьируются от села к селу. Эвфемистические названия змей этого региона рассматривались в докладе вместе с поверьями, объясняющими или мотивирующими запрет на прямое упоминание змеи в речи. Докладчица выделила некоторые ареалы бытования специфических наименований и поверий: например, упоминание змеи призывает этого «гада» или наносит вред здоровью человека, не связанный непосредственно с активными действиями пресмыкающихся. Рассматривались также календарные запреты на упоминание змей, анализировался комплекс поверий, относящийся к уходу змей в землю на зиму. Было уделено внимание табу на те глаголы, которые обозначают укусы змей. Вместе с тем, анализ рассматриваемых эвфемизмов в речи разных поколений жителей карпатских сел показал сложности сохранения традиционной карпатской культуры в современных условиях.

М.В. Ясинская (Россия) в докладе «Представления о зрении в похоронно-поминальной обрядности славян» показала, что в условиях ситуации перехода человека в иной мир представления о зрении становятся особенно актуальными, поскольку зрение выступает в качестве одной из основных примет этого мира (рус. *белый свет*, болг. *бело видело*), а слепота является признаком того света. В похоронном и поминальных обрядах значительное внимание уделяется зрению умершего, тому, что с ним происходит после смерти: каким образом утрачивается земное зрение и приобретает потустороннее, отличное от человеческого. Многие ритуально-обрядовые действия, а также ряд запретов объясняются заботой о зрении покойников: так, зажигается свеча, чтобы освятить умершему путь в иной мир; на Русском Севере гроб изготавливается с прорезанными или нарисованными окошками, и т.д. По словам докладчицы, заботой о посмертном зрении мотивируется обычай носить белый траур (чтобы умершим, особенно детям, не было темно на том свете). В Полесье запреты на работу в поминальные дни объясняются опасением засорить глаза умершим предкам. Кроме того, в славянской похоронно-поминальной обрядности уделяется внимание зрению живых, оказавшихся в ситуации контакта с умершим. О этом свидетельствуют зрительные запреты и предписания, которые должны соблюдать близкие покойного (например, нельзя оглядываться во время участия в похоронной процессии или, наоборот, обязательно нужно заглянуть в печь по возвращении с кладбища, чтобы избавиться от тоски по умершему). Некоторые запреты смотреть на покойника касаются определенных групп людей (например, беременных).

И.А. Седатова (Россия) в докладе «Концепт “любовь” в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале)» обратилась к болгарским (и частично другим славянским) лексико-фразеологическим, фольклорным

и обрядовым материалам с целью реконструкции понятия любви в патриархальном обществе, его языке и культуре. Докладчица подчеркнула, что любовь как понятие многоаспектное в данном случае ограничивается сферой человеческих отношений (любовь между мужчиной и женщиной), отчасти с включением типичных для народной культуры мифологических представлений о связи человека с умершим супругом и/или демоническим персонажем. В патриархальном обществе любовь подвергается аксиологической характеристике по многим параметрам («законная», «запрещенная», «неразделенная», «с инородцем», «с иноверцем» и др.) и служит ключевым мотивом в создании и разрешении ряда жизненных и обрядовых ситуаций. Любовь коррелирует с базовыми оппозициями «жизнь — смерть», «тайное — явное», «счастье — несчастье», «здоровье — болезнь», «порядок — хаос» и др. Седакова показала, как метафорика любви раскрывается через анализ акционального кода в обрядовой практике и ритуалах жизненного цикла человека, которые связаны с рождением человека, вступлением в брак и смертью/погребением. Особенно же ярко символическая составляющая концепта любви присутствует в любовной (приворотной и отворотной) магии и народномедицинских текстах, где любовь синонимична страсти и зачастую выступает как болезнь, навязчивая идея фикс (болг. заимствованное *мерак* «страстное желание»). В народных песнях, нарративах о воспитании детей, рассказах о молодости, влюбленности, свадьбе и других текстах формируется своеобразный «любовный дискурс», особая прагматика, с устойчивыми речевыми оборотами и определенным набором мотивов.

С. Небжеговская-Бартминьская (Польша) посвятила свой доклад «Единение с жизнью в традиционной культуре — от принципа к постулату» гносеологическим аспектам жизни и смерти, микрокосмоса и макрокосмоса, единению и борьбе как процессам движения в природе и окружающей человека среде. В основе народного мировоззрения лежит представление о единстве человека со вселенной и трактовка космоса как некоего целостного и живого организма, частью которого является человек. Связь между человеком и миром опирается на принцип взаимодействия: как человек заботится об окружающей среде, оказывает поддержку слабеющим силам природы, так и окружающий мир помогает и обеспечивает человека — удовлетворяет его потребности, предоставляет средства к существованию. Докладчица рассмотрела двустороннюю деятельность природы и человека в традиционной культуре, которая, в частности, не сводится лишь к борьбе с внутренним миром, поскольку «единение с жизнью» пронизывает всю вселенную, или к борьбе против злых и вредоносных сущностей, так как единственно общей борьбой можно считать борьбу против смерти, точнее, против процессов распада, одной из форм которых выступает смерть. Представленный в докладе анализ принципа «единения с жизнью» (предложенный В. Томасом и Ф. Знанецким) автор вписывает в рамки более широких исследований аксиологических культурных концептов по программе ETNO(EUROJOS), которой в настоящее время активно занимаются польские этнолингвисты.

Е.С. Узенёва (Россия) в докладе «Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология духовной культуры» рассмотрела терминологические системы разных сфер традиционной культуры (календарь, семейная обрядность, мифология) славян-мусульман на Балканах. В основу исследования автора легли материалы по культуре болгар-мусульман (*помаки*, *ахряне*) — этнических болгар, говорящих на болгарском языке, проживающих в различных регионах страны и представляющих разные культурные диалекты одной традиции. Эти данные докладчица сравнивала с культурно-языковыми традициями других представителей исламского мира Южной Славии: славян-мусульман Боснии и Герцеговины (*бошняки*), Македонии (*торбеши*), историко-культурного региона Гора на стыке Метохии, Албании и Македонии

(горанцы). При этом в докладе были широко задействованы полевые материалы, собранные автором в экспедициях по Болгарии и другим странам за последние десять лет. Подробно проанализировав разные пласты лексики традиционной народной культуры, докладчица пришла к выводу о том, что славянская по происхождению лексика составляет большую часть всей терминологической системы разных традиций славян-мусульман на Балканах, тогда как турцизмы закрепились главным образом в религиозной сфере и связанных с ней ритуалах и представлениях. В докладе были приведены различные примеры лексики и соответствующих явлений народной культуры из разных славяно-мусульманских регионов на Балканах (прежде всего, из Северной и Южной Болгарии, из регионов Средних и Восточных Родоп и т.д.).

Совместный доклад *Н. Антропова, Т. Авилина и Е. Боганевой* (Белоруссия) «Белорусско-инославянские изодоксы в картографической проекции» был ориентирован на принципы исследования белорусско-инославянских изодокс (т.е. изоглосс, касающихся явлений народной духовной культуры) на основе, с одной стороны, базы данных «Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа» (вместе с комплексом карт), и с другой стороны, славянских лингвистических и этнографических атласов, а также специальных картографических разработок (как, например, книга А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии»). Докладчик Н.П. Антропов сообщил о дальнейших планах коллектива белорусского этнолингвистического атласа (и электронной базы данных в его основе) экстраполировать полученные белорусско-инославянские изодоксы на максимально возможный на сегодняшний день общеславянский этнокультурный ландшафт.

К. Женохова (Словакия) прочитала доклад «Кириллические лечебные справочники XVIII века (этнолингвистический анализ лексики)», в котором на основе текстологического анализа старых лечебников восточной Словакии показала терминологическую лексику традиционной духовной культуры, использовавшуюся в XVIII в. В этой сфере наиболее яркими в плане исследования были признаны названия растений и ингредиентов лекарств в предлагаемых рецептах, а также названия болезней человека и животных. Выявленная терминология содержит словацкие, русинские, немецкие и венгерские лексические элементы, многие из названий флоры снабжены латинскими ботаническими наименованиями. Особое внимание докладчица сосредоточила на мотивации и символике наименований, соотносимых с народной картиной мира и фольклорными представлениями славян.

О.В. Чёха (Россия) посвятила свой доклад «Мотивационные модели названий лунных фаз в языках балканских славян и их соседей» анализу мотивационных моделей номинации лунного времени, отметив, что системность его номинации более заметна в названиях половин (а не четвертей) лунного месяца, почти всегда взаимообусловленных, что объясняется первоначальным двоичным членением лунного цикла. Рассмотренные докладчицей номинации демонстрируют наличие двух разных концепций лунного времени в пространстве Южной Славии. Первая модель, реализуемая в сербской, словенской и частично македонской традициях, антропоцентрична, в большей степени основана на представлениях о «жизни» и «смерти» месяца (молодая и старая луна, безлуние интерпретируемое как смерть луны). Вторая модель, представленная греческой, болгарской и частично македонской традициями, ориентирована на луну как на изменяющийся в объеме предмет. Эти выводы были подтверждены показанной картой наименований первой половины рождающейся луны, производных от корней **mold-* и **nou-*.